

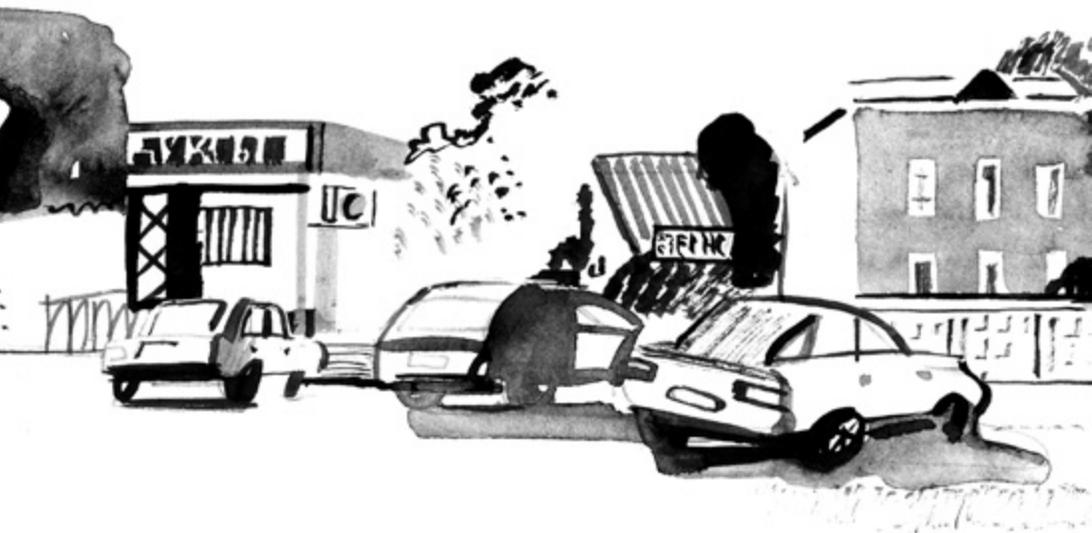

ИЮНЬ

День защиты детей

— Вот и еще год прошел. Мы расстаемся... Ненадолго. Ведь время скоротечно, думаю, многие из вас это уже поняли. Через три месяца вы вернетесь в школу. Но вы... вы вернетесь немного другими людьми...

Нина Викторовна — наша классная руководительница, русский-литература-драмкружок. Наверное, поэтому она любит искренние напутственные речи и долгие проводы, в конце каждой четверти прощается с нами так, словно мы улетаем на Луну. Хорошо хоть за руку по очереди

не держит и питание в тубиках не выдает. А конец учебного года — особенный повод, к нему припасены самые душевные и проникновенные слова о рубежах, порогах и дальях.

— ...Запомните это лето. Запомните июнь с его зеленью, синие дали и жару июля и золото августа, его последние и прозрачные дни перед порогом...

Нина Викторовна рассказывала, как у нее всегда щемило сердце в конце августа, когда каникулы заканчивались и вот-вот должен был начаться учебный год. А я думал, что хорошо бы поскорее свалить. Последний день последним днем, но мама просила купить кофе, а Нина Викторовна, похоже, хорошо подготовилась.

— ...И на пороге нового учебного года вспомните себя три месяца назад, вспомните сегодняшний день — и вы увидите...

Тут я немного запутался, кто в каком послезавтре должен куда посмотреть, и заскучал, а Нина Викторовна сделала паузу перед заходом на новый лирический вираж, но тут, к счастью, поперек кабинета прогудела крупная зеленая муха. Вдохновение Нины Викторовны погасло.

— А теперь... — вздохнула Нина Викторовна. — А теперь каникулы...

Все заорали. Все вскочили. Кинулись к дверям, опрокидывая стулья. А я, поскольку сидел ближе всех к двери, оказался в гардеробе первым.

На первом этаже в фойе школы плавали разноцветные воздушные шарики — должно быть, родительский комитет организовал из оставшихся средств. Малышня шарики ловила, старшекласники не обращали внимания.

Наш почти восьмой класс отпустили пораньше, мы оделись и выкатились на школьное крыльцо. Городские разбирались по домам, монтажники и село дожидались автобусов. Солнце жарило, я свернул куртку и засунул в рюкзак. До автобуса оставалось десять минут, я прикидывал — успею ли сбегать до магазина? Я почти решился, но тут из школы появилась Шнырова с красным шариком и неприятным выражением лица.

Шнырова не поздоровалась, спустилась с лестницы, уселась на вкопанную покрышку и вытянула ноги.

Через минуту показалась и Дрондина. Тоже с шариком, но в настроении хорошем.

— Привет, Васькин! — улыбнулась Дрондина. — Ты учебники сдал?

— Нам в сентябре разрешили...

— Отлично! Я у тебя возьму на лето?

Хоть три раза.

— Хочу посмотреть заранее, у меня с математикой плохо, сам знаешь, если пораньше проработать, то потом легче...

Задрезбезжал звонок, на ступени высыпались школьники с шариками. Звонок не обрывался, последний звонок традиционно длинный, пока уши не заложит, минут пять.

К крыльцу пришвартовался желтый школьный автобус, стали грузиться. На желтом автобусе ездит село, монтажники на синем. Монтажники — потому что они живут в поселке Монтажном, это от Никольского к северу. Село — потому что к югу, в селах и деревнях, разбросанных вдоль Сунжи. Я, Шнырова и Дрондина — село.

Я расположился как обычно — на десятом месте, Шнырова села рядом с водителем, спугнув с места третьеклассника из Каменки, а Дрондина пробралась в корму.

— Отъезжаем, — объявил водитель, когда автобус заполнился. — Двери закрываются.

В последний момент в салон заскочил Колесов, огляделся, свалился рядом со мной. Сам Колесов вообще-то в Никольском живет, странно, куда он потащился...

— К деду надо заехать, — пояснил Колесов. — В Коммунар. Передать ему пирожки, мотоцикл и вставную челюсть...

— А как же тогда твоя мама? — поинтересовалась Шнырова. — Чем она орехи грызть будет?

Колесов привстал было, но я его поймал.

— Это же Шнырова, — сказал я. — Она всегда такая.

Колесов поморщился, но со Шныровой связываться не стал. Все знали, как на Новый год она подралась со старшеклассником из-за подарков под елкой.

Автобус тронулся. Я оглянулся на школу.

У нас хорошая школа, лучшая в Никольском. Маленькая, учеников немного, городских меньше половины, остальные с окрестностей.

Как я, Шнырова и Дрондина.

— Колесов, тебя в деревню списали? — спросила Шнырова. — Свинопасом будешь?

Колесов не стал связываться второй раз. Автобус вырлил со двора, мимо «Сельхозхимии», выехал за город.

Сегодня День защиты детей, день раздачи дневников и день Дрондиной.

С Днем защиты все понятно, с дневниками тоже, про день Дрондиной поясню. Неделя у нас строго поделена: день я дружу с Дрондиной, день со Шныровой, так до воскресенья и чередуюсь, в воскресенье мне выходной.

Шнырова и Дрондина чрезвычайно непохожи друг на друга, особенно издалека. Да и вблизи. Причем видна

немалая работа, проделанная каждой для закрепления отличий. У Шныровой низкая челка, у Дрондиной крысиные косички. У Шныровой еще в апреле щедро выскочили веснушки, Дрондина в марте проколола уши и теперь носит серьги-сердечки с розовыми камнями. Да и вообще любит розовое, куртка у нее розовая. А глаза серые. У Шныровой глаза зеленые. Чтобы было еще зеленее, она носит зеленые очки, чтобы было окончательно зелено — зеленую куртку. Издали я их так и отличаю, зеленая куртка — Шнырова, розовая — Дрондина. А еще Дрондина толще и щекастее, а у Шныровой длинные ноги, отчего она заметно выше.

Дрондина любит ездить на последних сиденьях, Шнырова всегда впереди, и если через дорогу скачет заяц, то Шнырова орет: «Заяц!!!» Один раз рулил водитель на подмене, Шнырова заорала «заяц», непривычный шофер дернулся со страху, чуть в канаву не срулили.

В тот день так и ехали: Дрондина в розовом неловко ловила проснувшихся слепней, ползающих под потолком, Шнырова в зеленом настырно пинала инструментальный ящик под передними сиденьями.

Дорога задралась в гору, двигатель завизжал.

— Подшипник, — пояснил Колесов. — Помпа накроется скоро...

Колесов стал рассказывать про их новую машину, «киа», ровная тачка, но помпа тоже слегонца сопливит, я не очень слушал, смотрел в окно. Закрывал глаза возле трехрогой березы и открывал возле Семеновской крупорушки, зажмуривался мимо Родников, открывал у Мостков, я эту дорогу слишком хорошо знаю, не ошибаюсь никогда, если только

не усну. Иногда я после школы засыпаю, особенно зимой, у десятого места печка.

— ...Они думали, мы лопушки, а отец толщиномером прошелся — а там ноль-пять, они ее не то что красили, они ее отшпатлевали...

Кажется, я уснул. Хорошо бы я уснул. Колесов смеялся и показывал телефон с теплообменниками и коробками передач.

— Заяц!!! — заорала Шнырова, вскочила и выставилась в окно, к зайцам она — да, равнодушна. Автобус тряхнуло, воздушные шарики под потолком разом разбежались по сторонам. Шнырова стукнулась плечом, зашипела, вернулась на место. На задних сиденьях злорадно улыбнулась Дрондина, я не видел, но мог поспорить, что это так.

— Зайцев много в этом году, — зевнул Колесов. — Это к грибам.

Колесов шуганул красный шарик и, немного подумав, добавил:

— И ягодам.

Колесов знает приметы: лягушки квакают к дождю, зайцы скачут к грибам, думаю, он сам их сочиняет.

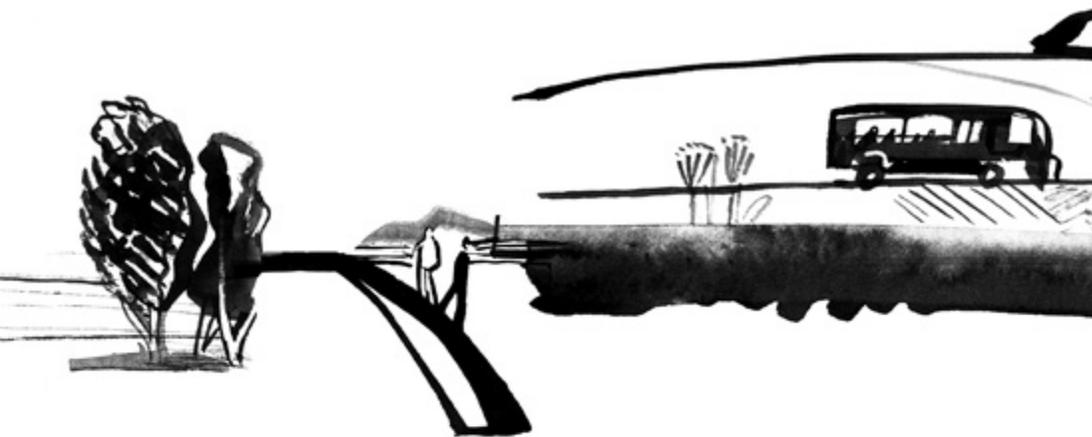
— И осень будет...

— По зайцу промазали! — возмущенно сказала Шнырова. — Надо лучше ездить, водитель!

В отместку водитель закурил.

Шнырову зовут Александра, Дрондину Наталья.

Шнырова стала ругаться, что в школьных автобусах курить нельзя, водитель включил музыку, прибавил громкости, а потом и скорости. Звучали мои нелюбимые песни,

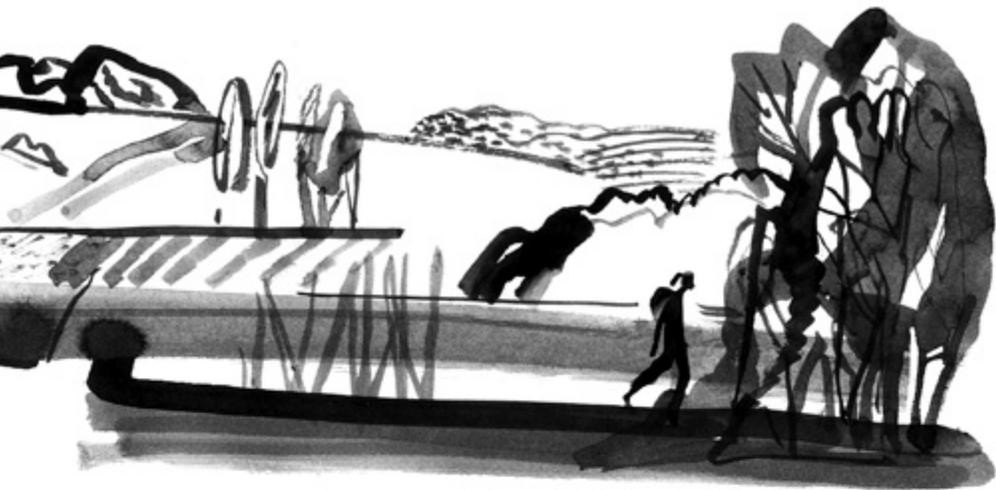

впрочем, мучился я недолго — справа заблестела Сунжа, и скоро из-за поворота показалась угрюмая табличка «2,5 км→». Я ее подновлял в мае, но краска оказалась дрянной, потекла и смешалась, отчего указатель приобрел кладбищенский вид. Впечатление усиливала проволочная петля, похожая на висельную, произведение Шныровой. Я эту петлю уже сорок раз снимал, всю весну, но Шнырова ее приделывала обратно. Она не любит Туманный Лог.

Автобус остановился. Шнырова выскочила первой, не прощаясь, не оборачиваясь, с независимым видом пошла в гору.

Дрондина прощалась с девочками, они смеялись и обещали созваниваться каждый день. Ага.

— Давай, Граф, пока, — Колесов хлопнул меня по плечу. — Заезжай летом, в кино ходим, в июне откроют.

— Если мопед починю, — ответил я. — Пока, Колесов.

Я подхватил рюкзак, поймал причитающий мне шарик и направился к выходу.

На воздухе было прохладно и пахло прелой травой из канавы, Шнырова независимым зеленым пятном удалялась в перелесок, костляво отмахивая в сторону левой рукой. Шарика с ней не было, шарик она привязала к указателю. Указатель стал еще страшней.

Дрондина отличница, любит литературу, историю и биологию.

Шнырова троечница, не любит ничего. Разве что музыку и изо, потому что на них ничего делать не надо.

Дрондина выбралась из дверей, отдалилась от автобуса и выпустила из спичечного коробка слепней, закинула на плечи рюкзак, стрельнула пальцем вслед Шныровой.

— Опять она, — вздохнула Дрондина. — Опять с зайцами. Разве так можно?

— Да, — сказал я. — Зайцы-попрыгайцы, трудно не задавить.

— У нее и бабка такая, — Дрондина повертела у виска пальцем. — Сама дура и в дурдоме еще работает. Дрондины все полубелые. И папашка ее чиканько, а мать по утрам в окно смотрит.

— Бывает, — сказал я. — Многие смотрят. Пойдем?

— Пусть эта уйдет сначала, — Дрондина плюнула вдогонку.

Шнырова скрылась, и мы пошагали через перелесок к реке.

Шнырова и Дрондина не выносят друг друга. Это семейная вражда, вернее сказать, фамильная, и корни ее уходят в века. Во времена Крымской войны, пользуясь отсутствием шныровских мужиков, дрондинские отжали у соседей Ведмедёвские пожни. Вскоре вернувшиеся шныровские отбили пожни обратно и обломали супостатам бока, а одному спину пополам перебили.

Сразу по окончании Крымской войны отменили крепостное право. Дрондиным вольность оформили сразу, а бумаги на Шныровых затерялись в губернских канцеляриях. Дрондины всюду числились свободными землепашцами, а Шныровы прозябали крепостными, и от этого обстоятельства Дрондины сильно возгордились и стали именовать Шныровых сиволапами, подколодными, а иногда и обиднее — панским хлевом, кроме того, требовали при встрече шапку ломать. Шныровы от такого впадали в ярость и бились со Дрондинами чуть ли не насмерть.

Закончилось все печально для обоих семейств: их прежний барин и, кстати, мой прапрадед проезжал через свои земли возле Туманного Лога на Парижскую выставку и был привлечен в качестве третейского судьи. Прадед не стал вникать в причины этих катаклизмов и приказал высечь обе стороны на конюшне. После чего вражда несколько притихла и заново разгорелась уже в новом веке: вернувшись с японской войны, прапрадед Шныровой украл у прапрадеда Дрондиной топор златоустовской стали, на что прапрадед Дрондиной отсек вору заступом палец на ноге.

Революция и коллективизация привели к дальнейшей эскалации конфликта. Шныровы приняли советскую власть, Никифор Шныров стал комиссаром и раскулачил зажиточных косопузых Дрондиных. В ответ на это Степан Дрондин стал атаманом и ушел в леса, и однажды, когда Никифор с маузером следовал на заседание губисполкома, Степан из обреза прострелил ему голень.

Некоторое примирение принесла Великая Отечественная война, на которой и Шныровы и Дрондины проявили себя самым героическим образом и вернулись с орденами и медалями. Но после победы, в мирное время, противостояние возобновилось.

Пятьдесят лет назад Аграфена Дрондина, девица восемнадцати годов, выходила замуж за Якова Шахова, заведующего райкооперацией, достойного человека с автомобилем и кирпичным домом в городе. Из-под венца ее увел Олег Шныров, они сбежали в Норильск и жили там долго и счастливо. Чтобы унять гнев Дрондиных, пришлось вызывать милицию и пожарных.

Сорок лет назад Катерина Шнырова в болотах за Сунжей обнаружила заповедную полянку с необычайно крупной, сладкой и ароматной клюквой. Клюква была так хороша, что каждую осень только с этой делянки Катерина имела доход в пятьсот рублей, и за три года Шныровы накопили на мотоцикл «Днепр». Все шло хорошо, пока поляну не обнаружила Юлия Дрондина. В одну из августовских ночей они с мужем прокрались на болото и обнесли всю клюкву, а на вырученные деньги Дрондины затеяли новую баню. Когда баня поднялась под стропила, Катерина Шнырова закопала под углами тухлые яйца в глиняной шубке, и следующие десять лет Дрондины мылись в бане с неотвратимой вонью.

Тридцать лет назад... Впрочем, вспоминать противостояние Шныровых и Дрондиных можно бесконечно, я вспомнил лишь те эпизоды, которые особенно любила пересказывать моя тетьа, приезжавшая каждый Новый год.

Надо признать, что новое столетие не добавило дружелюбия ни Шныровым, ни Дрондиным, однако двадцать первый век внес механические коррективы: после закрытия колхоза мужская часть фамилий отправилась на вахту, так что факел вражды перешел в женские руки. Тетьа Валя не любила тетьу Свету.

Шныровские жили на западной стороне, дрондинские на восточной, в разных концах улицы Волкова. У Шныровых имелась коза Медея, у Дрондиных собака Бредик, они тоже друг друга ненавидели. Бредик обожал куснуть козу за ноги, Медея бодала спящего Бредика в круглый лохматый бок.

— В прошлом году на День защиты детей шоколадки дали, — вспомнила Дрондина. — А в этом шарики...

Дрондина разочарованно щелкнула шарик ногтем.

— Шарики еще лучше, — возразил я. — Один пацан этих шариков собрал тысячу штук, привязал к креслу и улетел.

— Куда?

— Не знаю. Не поймали его. Помнишь, как с парашютистом? Улетел — и с концами.

— Да, повезло...

— Что?

— Повезло, говорю, — сказала Дрондина. — Слушай, может, Шнырихе дельтаплан подарить? Пусть улетит с концами. Все лето ведь с ней сидеть...

Дрондина вдруг рассмеялась.

— Что?

— Сама-то Шныриха еще долго сидеть не сможет. Недели две. Так что завтра она с тобой будет стоять. Могу поспорить...

Сейчас в Туманном осталось всего три семьи: мы, Шныровы и Дрондины. Саша и Наташа не общаются — кроме меня, им дружить не с кем, вот и пришлось установить очередность, я говорил. Завтра день Шныровой.

— Нет, ты посмотри! — Дрондина остановилась и указала пальцем. — Она опять за свое!

Шнырова добралась до реки первой, перебежала по рельсам моста на другой берег Сунжи и теперь с вызовом швыряла в воду камни.

— Каменщица какая... — поморщилась Дрондина. — И руку не вывихнет ведь...

К мосту ведет узкая дорога через перелесок. По ней ходим лишь мы, даже «скорая» не съезжает с трассы, потому что в колеях легко завязнуть — почва у нас глина глиной, хоть кирпичи лепи. Ну, и мост. Большой деревянный мост каждый год сносило паводком, так что в конце концов его плюнули отстраивать и перекинули через Сунжу две длинные рельсовые балки. Рельсы эти уложили плашмя, отчего получился мосток, по которому вполне можно перебираться пешим ходом. Если же ты с грузом идешь или вдруг пенсионер, то на каждом берегу припасено по жерди, которой можно опираться о дно, но мы всегда так ходим, без жердей, привыкли.

Камни перестали булькать, я посмотрел, Шнырова исчезла.

— Засела ведь, засадница...

За мостом начинается прямой подъем к Туманному Логу, кусты, где можно спрятаться, растут только у Сунжи, так что я сразу понял, что Шнырова укрылась именно там. Чтобы выскочить с громким и страшным криком.

И Дрондина это поняла и переходить через мост не спешила. Мы приблизились к рельсам, стояли на берегу и ждали, пока у Шныровой закончится терпение. Вообще-то, терпения у нее обычно запасено ненадолго.

— Эх, — громко вздохнула Дрондина. — В пятом «Б» в одну девочку впился клещ.

— Клещ?! — громко догадался я.

— Ага. Клещ. Ее мама послала собрать ивовых почек, а в кустах на нее напал клещ. Повезли в поликлинику проверять, а он энцефалитный.

— И что? — спросил я.

— Он ей в голову вкрутился, так чтобы его обратно выкрутить, пришлось налысо стричь.

— А потом?

— А потом все равно энцефалит. Сорок уколов в живот и шею.

Из кустов немедленно показалась Шнырова, она чесала голову и мелко тряслась, видимо, таким образом избавляясь от клещей.

— Чешись-чешись, чесотка! — крикнула Дрондина. — Энцефалит не спит!

Шнырова плюнула на рельс и, засунув руки в карманы, двинулась в гору.

— Отвалила, — с облегчением выдохнула Дрондина.

Она зажала веревочку от шарика в зубах и ступила на балки.

Для перехода никакого умения не требуется, шагай, как на лыжах, вот и весь секрет, за три года рельсового моста мы отполировали в железе гладкие ходы, когда в ноябре с утра подмораживает, можно вполне себе кататься. Но Дрондина кататься не любит, шагает прочно, как робот, левой-правой. И едва она успела дойти до середины моста, Шнырова обернулась, ухмыльнулась и быстренько вернулась к реке. После чего нанесла противнице ответный удар — подскочила к балке и принялась ее бешено пинать.

Балка тонны две весит, она и не дрогнула, а вот Дрондина да.

— Не надо! — отчаянно попросила Дрондина.

Шарик полетел.

Речка здесь сужается и набирает небольшой, но глубины, дна не видно, течение быстрое и свивается в воронки. Дрондина плавать не умеет, да и высоты боится, ко мне на тополь никогда и не пробовала.

От происков Шныровой Дрондина закачалась, попыталась поймать шарик, а потом совершила резкое и необычайно неуклюжее движение.

— К нам приехал цирк! — радостно закричала Шнырова. — Бегемот на жердочке! Бегемот-канатоходец!

Шнырова еще несколько раз пнула балку, затем выхватила телефон и принялась снимать, как Дрондина нелепо балансирует на мосту.

— Сашка, хватит! — попросил я.

— Всемирно известный дрессировщик бегемотов Васькин! — провозгласила Шнырова. — И его бегемотиха Натали!

И снова пнула.

— А ты козовщица блохастая! — ответила Дрондина с балки.

В ответ на это Шнырова принялась высоко подпрыгивать на балке. На Дрондину это производило впечатление.

— Прекрати, козовщица!

— Получи, бегемотиха!

И Шнырова пустилась скакать свирепее. И обе балки задрожали, видимо, между ними, Шныровой и Дрондиной возник резонанс.

— Шныриха! Хватит! — крикнула Дрондина.

Она замахала руками, потеряла равновесие и опустилась на четвереньки. Шнырова рассмеялась и сделала несколько снимков.

— Наталья Накарачко! — объявила Шнырова. — Встречайте! Трюки и всхрюки!

— Саша! — погрозил я кулаком.

Дрондина яростно завизжала. Шарик улетал.

Шнырова соскочила с рельсы и двинулась в гору. К Логу.

— Наташ, не бойся, я держу, — я наступил на левый рельс. — Шагай помаленьку...

Дрондина выдохнула и осторожно, мелко переступая, перебралась через реку.

Я переправился за ней. Рельсы все-таки держались крепко, но я подумал, что неплохо бы их тросом скрепить на всякий случай, чтобы не разъехались.